

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.504-515

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ МОЛОДЕЖНОЙ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Федор Владимирович Грушин¹, Елена Анатольевна Раненкова², Олег Геннадьевич Демидов³

¹ НИИ ФСИН России, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-1217-8856>, fedor062@yandex.ru

² Московский областной филиал Московского университета Министерства внутренних дел России имени В. Я. Кикотя, г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0009-0004-2362-5916>, alena_ranenkova@rambler.ru

³ Псковский филиал Университета ФСИН России, г. Псков, Россия, <https://orcid.org/0009-0000-6563-6374>, demidov-oleg-gen@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются понятия «неформальные молодежные объединения», «субкультура несовершеннолетних», «криминальная субкультура несовершеннолетних», которые взаимосвязаны между собой и соприкасаются в определенной части. Субкультура несовершеннолетних, выступая частью национальной культуры с трансформированными ценностями и правилами поведения для подрастающего поколения, в некоторых случаях перерастает в молодежную криминальную субкультуру, под влияние которой попадают неформальные молодежные объединения асоциальной направленности. Криминальная субкультура пренебрегает общепринятыми ценностными ориентирами общества, фактически паразитирует на его культуре, являясь ее противоположностью, а никак не продолжением. На сегодняшний день отсутствует законодательное закрепление понятия «криминальная субкультура», в котором наиболее целостно отражались бы характерные черты всех видовых проявлений данного феномена. Выработано авторское определение понятия «молодежная криминальная субкультура». Для совершенствования правового регулирования в сфере противодействия молодежным криминальным субкультурам предложено внести изменения в отдельные нормативно-правовые акты Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия вовлечению молодежи в криминальную субкультуру.

Ключевые слова: неформальные молодежные объединения, субкультура несовершеннолетних, молодежная криминальная субкультура

Для цитирования

Грушин Ф. В., Раненкова Е. А., Демидов О. Г. Понятие и сущность молодежной криминальной субкультуры: уголовно-правовой аспект // Человек: преступление и наказание. 2025. Т. 33(1–4), № 4. С. 504–515. DOI: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.504-515.

Original article

THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE YOUTH CRIMINAL SUBCULTURE: THE CRIMINAL LAW ASPECT

Fyodor Vladimirovich Grushin¹, Elena Anatolyevna Ranenkova², Oleg Gennadievich Demidov³

¹ Research Institute of the FPS of Russia, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-1217-8856>, fedor062@yandex.ru

² Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, Moscow, Russia, <https://orcid.org/0009-0004-2362-5916>, alena_ranenkova@rambler.ru

³ Pskov Branch of the University of the FPS of Russia, Pskov, Russia, <https://orcid.org/0009-0000-6563-6374>, demidov-oleg-gen@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the concepts of "informal youth associations", "subculture of minors", "criminal subculture of minors", which are interconnected and come into contact in a certain part. The subculture of minors, acting as part of the national culture with transformed values and rules of behavior for the younger generation, in some cases develops into a youth criminal subculture, which is influenced by informal youth associations of an antisocial orientation. The criminal subculture ignores the generally accepted value orientations of society, in fact, it parasitizes its culture, being its opposite, and in no way a continuation. To date, there is no legislative consolidation of the concept of "criminal subculture", which would most holistically reflect the characteristic features of all specific manifestations of this phenomenon. The author's definition of the concept of "youth criminal subculture" has been developed. In order to improve legal regulation in the field of countering youth criminal subcultures, it is proposed to amend certain regulatory legal acts of the Russian Federation in terms of establishing additional mechanisms to counter the involvement of youth in criminal subculture.

Keywords: informal youth associations, subculture of minors, youth criminal subculture

For citation

Grushin, F. V., Ranenkova, E. A. & Demidov, O. G. 202, 'The concept and essence of the youth criminal subculture: the criminal law aspect', *Man: crime and punishment*, vol. 33(1–4), iss. 4, pp. 504–515, doi: 10.33463/2687-1238.2025.33(1-4).4.504-515.

В современных реалиях проблема вовлечения молодежи в преступную деятельность криминальных субкультур представляет собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Субкультура несовершеннолетних,

выступая частью национальной культуры с трансформированными ценностями и правилами поведения для подрастающего поколения, в некоторых случаях перерастает в молодежную криминальную субкультуру, под влияние которой попадают неформальные молодежные объединения асоциальной направленности. Криминальная субкультура, пренебрегая общепринятыми ценностными ориентирами общества, фактически паразитирует на его культуре, являясь ее противоположностью, а никак не продолжением.

Приступая к исследованию, важно определиться с границей молодежного возраста и понятиями «молодежь» и «несовершеннолетние». Согласимся с мнением Е. А. Ковальчук, которая полагает, что «молодежь – это понятие историческое, зависящее от характера и уровня развития конкретного общества. В разных науках: психологии, биологии, социологии, медицине, юриспруденции, понятие «молодежь» неоднозначно» [3, с. 31]. В соответствии с действующими нормативными документами Российской Федерации молодежь, молодые граждане – социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно (кроме случаев, предусмотренных ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»), имеющих гражданство Российской Федерации.

По данным официальной статистики Росстата, на 1 января 2025 г. в России проживало 37 млн человек в возрасте от 14 лет до 35 лет, это почти четверть населения страны. Наиболее подверженными влиянию криминальной субкультуры оказались лица в возрасте от 11 до 18 лет – самая незащищенная часть населения, главное – та ее часть, которой в скором времени предстоит строить будущее нашей страны. В группе риска дети, в основном лица мужского пола, средний возраст – 13–18 лет; из неполных семей, чаще растущие без отца, либо сироты; учащиеся общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций, школ-интернатов, детских домов; имеющие ранее судимых родственников; состоящие на внутришкольном учете, учете в подразделениях по делам несовершеннолетних (ПДН) МВД России. Печальным представляется тот факт, что криминальная субкультура с ее псевдоромантикой становится с каждым днем все более привлекательной для лиц, не достигших 18-летия: именно руками подростков, которыми манипулируют взрослые, совершаются противоправные деяния. Одной из ключевых особенностей развития лиц в возрасте до 18 лет выступает процесс их социализации путем коммуникации с окружающими людьми, в рамках которой формируется общественное сознание и мировоззрение, вырабатываются социокультурные ценности. Однако далеко не всегда межличностное взаимодействие несовершеннолетних несет в себе положительную окраску, подобное явление в научной литературе и средствах массовой информации (СМИ) определяется как «неформальное молодежное объединение», «криминальная субкультура несовершеннолетних», «молодежная группа риска», «преступная (асоциальная) субкультура» и «контркультура молодежи». Такое обилие терминов приводит к появлению разнообразных подходов к пониманию сущности феномена криминальных субкультур несовершеннолетних и молодежи, изучению процесса взаимодействия таких подростков с другими, а также к разработке превентивных мер. С одной стороны, неформальные молодежные объединения – социальные группы различной общественной направленности, цель которых – удовлетворение разнообразных потребностей подрастающего поколения [4, с. 241], с другой – это «социально-психологическое явление, представляющее собой попытку адаптации молодых людей к тем проблемам, с которыми они сталкиваются в подростковом и юношеском возрастах, в течение того периода, когда они постепенно

входят в самостоятельную жизнь в современных конкретно-исторических условиях» [10, с. 122]. Словом «неформальность» можно характеризовать как конструктивные (музыкальные, спортивные, творческие и др.), так и деструктивные (экстремистской, суицидальной направленности и т. д.) объединения несовершеннолетних.

Наряду с использованием понятия «неформальные молодежные объединения», все чаще употребляется термин «молодежные субкультуры». Наиболее обобщенно субкультура – это часть общепринятой культуры, отличающаяся по одному отдельно взятому признаку (профессии, религии и т. д.) или по совокупности таких признаков [2, с. 4–5]. В. А. Аминова полагает, что в узком смысле термин «субкультура» обычно применим для специфической культуры молодежных образований, основанных, как правило, на каком-либо увлечении, являющихся одним из способов самовыражения молодых лиц [1, с. 113–118]. Подобных взглядов придерживается и Ю. Е. Милютин: «Что касается молодежной культуры, то в социологической литературе она аттестуется как субкультура, то есть относительно самостоятельная часть целостного образования культуры...» [8, с. 160–166]. В 1996 г. в научных кругах был введен термин «контркультура» (от англ. *counter* – противостоять, от лат. *cultura* – возделывание), относящийся к протестным американским движениям второй половины XX в. Анализ мнения ученых из разных областей (социологии, истории, философии и т. д.) позволяет сделать вывод о том, что понятие «контркультура» можно рассматривать в двух аспектах. При широком подходе контркультура выступает синонимом субкультуры, а при узком – обозначает часть субкультуры, пропагандирующей отказ от ценностей и норм главенствующей культуры, в которую входит криминальная субкультура [15, с. 9–12].

Отталкиваясь от узкой трактовки слова «контркультура», мы переходим к изучению понятия «криминальная субкультура». Криминальная субкультура как уголовно-правовое явление изучено глубоко. Однако до сих пор ведутся споры относительно его толкования. Большинство ученых полагают, что в отечественную науку его ввел В. Ф. Пирожков. По его мнению, криминальная субкультура – это определенный уровень развития жизни преступных сообществ, выраженный в типах и формах их организации, деятельности членов данных сообществ, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях, находящий свое отражение в образе жизни несовершеннолетних и молодежи, объединившихся в криминальные группы [11, с. 429–430].

С. Б. Пономарев, рассматривая криминальную субкультуру сквозь призму биологического фактора, полагает, что криминально-субкультурная среда – это унаследованный привычный способ противоправного поведения, ожидаемый и поддерживаемый членами таких субкультурных групп, с которым сталкиваются в определенной ситуации молодые лица [12, с. 56–65].

В 2018 г.¹ и 2020 г.² в Государственную Думу вносились законопроекты, касающиеся реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации, тем не менее они были отклонены.

¹ См.: Распространение криминальной субкультуры в социальных сетях приравняют к пропаганде экстремизма. URL: <http://www.nasledie.ru/?q=node%2F8121> (дата обращения: 20.03.2025).

² См.: О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации : законопроект № 1009841-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1009841-7> (дата обращения: 20.03.2025).

По нашему мнению, криминальная субкультура в традиционном понимании включает в себя систему взглядов и идей, представляющих собой нормы и ценности преступного мира как единственно верные и справедливые. Она пропагандирует философию лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, тюремные «понятия», романтизирует и идеализирует криминальный образ жизни и создает идеологическую основу для продуцирования и воспроизводства преступности. Сформированные в рамках такой идеологии парадигмы ставятся выше законодательства Российской Федерации, подрывают авторитет легитимных органов исполнительной и судебной власти, создают угрозу конституционному строю Российской Федерации, поэтому законодательное определение данного понятия необходимо. В своем исследовании С. М. Кочои и К. З. Трапидзе пришли к такому выводу: особая активность использования понятия «криминальная субкультура» в законодательстве, судебной практике, криминологической и пенитенциарной науке, а также в социологии, антропологии и культурологии является причиной того, что в юридической науке имеются десятки определений вышеуказанного понятия [5, с. 95].

Предлагаем авторское понятие, которое, на наш взгляд, комплексно отражает сущность изучаемого феномена. Молодежная криминальная субкультура – это социально-психологическое явление, представляющее собой способ самовыражения молодых лиц в виде противоправного поведения, поддерживаемого другими представителями данной неформальной субкультуры, а также деструктивную идеологию, то есть совокупность создаваемых членами объединения материальных и духовных ценностей, оправдывающих антизаконность своих действий, находящую отражение в образе жизни молодежи, объединившихся в криминальную группу.

Специалисты различают множество видов криминальных субкультур. Особый интерес представляет типология (виды) криминальной субкультуры, предложенная Ф. Р. Хисамудиновым и А. Е. Шалагиным: «...тюремная субкультура; субкультура рецидивистов, «профессионалов» преступного мира, лиц, входящих в организованные преступные группы сообщества; субкультура несовершеннолетних и молодежи; субкультура экстремистов, анархистов, радикалов и т. п.; субкультура деструктивных (тоталитарных) религиозных организаций (сект); субкультура лиц, страдающих химическими аддикциями (алкоголики, наркоманы, токсикоманы); субкультура маргинальных слоев населения (бродяги, попрошайки, вокзальные проститутки и пр.)» [14, с. 46–52].

Рассмотрим более современные классификации типологий криминальных субкультур молодежи. По каналам вовлечения в субкультуру выделяют передачу преступной идеологии посредством информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет (онлайн-распространение); печатных изданий и других агитационных материалов; через носителей данной идеологии (ее представителей).

Другая типология подростковой криминальной субкультуры основана на уровне организации и вовлечения в нее молодежи. Субкультура случайной группы, например, уличных компаний, главным развлечением которых становятся драки, разбои и другие правонарушения. Правило для них – взять на слабо. Агрессивная субкультура характерна для более организованных форм объединений по сравнению с предыдущей, в которой хоть и появляется деление на роли (более выраженная иерархическая структура), наличие санкций для нарушителей и противопоставление «кто мы, а кто они», все равно остается минимальное представление о преступных ценностях. Устойчивая субкультура – грань между традиционными

ценностями и криминальными размывается, подростки видят ценности контркультуры единственно верными.

А. В. Сумачев приводит несколько схожую типологию по принципу криминальной сущности. Он говорит о таких неформальных молодежных группах: криминально-активные объединения (цель – совершение противоправных действий; националисты, скинхеды, офники и др.); криминально-виктимные объединения (нет цели совершать правонарушения, но своим образом жизни и внешним видом провоцируют другие группы на совершение против них противозаконных деяний; эмо, готы и т. д.); криминально-нейтральные объединения (не обладают ярко выраженной антизаконной активностью, но вероятность под влиянием неких условий перерасти в криминально-активные объединения у них большая; байкеры, диггеры, рокеры и подобное) [13, с. 65]. «С точки зрения основ формирования личности преступника для нас представляют интерес криминально активные и криминально-виктимные неформальные молодежные группы», – добавляет А. В. Сумачев [13, с. 66].

В основу следующей классификации поставим образ жизни и идеи, пропагандируемые криминальной субкультурой: субкультура маргинальных слоев населения (лица с низкой социальной ответственностью, попрошайки и др.); субкультура лиц, страдающих химическими аддикциями (наркоманы, токсикоманы и алкоголики); тюремная субкультура; субкультура экстремистов, радикалов, школьных стрелков и т. д.; субкультура суицидальной направленности.

Считаем возможным выделить типологию в зависимости от того, на кого направлено пагубное воздействие девиантной субкультуры. Вред от субкультуры причиняется лицу, непосредственно ею увлекающемуся (например, субкультура суицидальной направленности). Разрушительные последствия касаются только определенной группы лиц, против которой выступает идеология субкультуры (околофутбольщики). Смешанная форма – страдают как непосредственные исполнители антикультурных норм, так и лица, против которых эти нормы направлены (скулшутинг, колумбайн), экстремизм и терроризм.

По масштабу распространения разграничивают субкультуры международного уровня и внутригосударственного, однако с активным использованием сети Интернет граница между ними все больше стирается: проявляется транснациональный характер, что хорошо прослеживается на примере скулшутинга, колумбайна.

Добавим, что однозначно отнести криминальную субкультуру молодежи к какой-либо типологии не представляется возможным, поскольку одно и то же девиантное проявление можно рассматривать в различных контекстах.

Важным в понимании феномена криминальной субкультуры молодежи выступает изучение идеологии такой контркультуры. Криминальная идеология – совокупность представлений группы, сложившихся в сознании несовершеннолетних, которая объясняет и регулирует их образ жизни и деяния. «Наличие криминальной идеологии является главным условием запуска механизма самооправдания и отрицания своей ответственности у преступника», – подчеркивают С. И. Кузьмин и Е. А. Малетина [6, с. 21–28]. Идеологические представления складываются из мотивов (способов самооправдания) и групповых идей.

Наиболее часто субкультурщики ссылаются на самозащиту и месть (в процессе совершения вооруженного нападения на образовательные организации «школьные стрелки» говорят о мести за унижения со стороны учителей и одноклассников), на идею коллективизма и групповой ответственности (к околофутбольщикам хорошо подходит

фразеологизм «стенка на стенку»). Но ко всем криминальным идеологиям субкультур без исключения относится отсутствие чувства вины у последователей и отрицание ответственности. Сложившаяся идеология криминальной субкультуры в последующем ложится в основу правил поведения представителей этой субкультуры – нормы группы. Н. С. Маркова отмечает: «...в подростковой и молодежной среде свойственно детально «расписывать» поведение членов группы и держать это в сознании каждого» [7, с. 79–83].

Очевидно, что наличие норм поведения диктует представителям криминальной субкультуры определенное поведение, ожидаемое от него другими членами. Когда правила поведения передаются из поколения в поколение, формируется традиция, что, по мнению видного педагогического деятеля А. С. Макаренко, можно считать «социальным клеем любой общности» [9, с. 203]. Для молодых лиц традиции приобретают особую привлекательность, поскольку их ритуальность эмоционально окрашивает и насыщает строгие нормы поведения, а неперсонифицированный характер облегчает подчинение им. Еще одним элементом в структуре криминальных субкультур (встречается в большей степени у представителей АУЕ) исследователи выделяют ритуалы – некую церемониальную деятельность, сопровождающую традиции. Наиболее известные ритуалы: прописка новичка, повышение (понижение) в ранге и пр. Следование традициям и ритуалам в криминальной субкультуре – это наиболее быстрый путь повышения статуса у ее юных представителей.

Внешние атрибуты, жаргонизмы (клички), клятвы, наличие стратификации, специфический фольклор – факультативные полифункциональные составляющие структуры антисоциальных культур. Термин «полифункциональные» (от греч. *polu* – много, от лат. *functio* – деятельность) употребляется в следующем значении: реализация нескольких функций в одном объекте, например, рисунки на теле (татуировки) – это не только средство приобщения лица к конкретной субкультуре, но и знаковая система общения. Важно, что подобная атрибутика является весьма условной при рассмотрении вопроса о криминальной идеологии, поскольку в наши дни мы уже можем говорить о сращивании двух ценностных аппаратов – традиционного и антизаконного: в песнях жанра «шансон» пропагандируется криминальная лирика, в фильмах про преступников активно используется «блатная» речь, а татуировки с определенной символикой встречаются у рядовых граждан как простой нательный рисунок без смысловой нагрузки для владельца.

Все названные элементы в структуре субкультур выполняют ряд внутренних функций: поведенческий регулятор – определяется должное поведение, ограничивается круг недостойных деяний для несовершеннолетних; связующий (коммуникативный) атрибут – средство межличностного (межгруппового) взаимодействия молодых представителей субкультур; элемент стратификации – выделение среди членов группы «привилегированных» слоев, а также обозначение места несовершеннолетних в общей иерархии.

Подтверждением данных пунктов выступает описательно-мотивировочная часть судебного решения в отношении подростков, состоявших в преступной группировке «Седьмовские» на территории Республики Татарстан: «Устойчивость группировки обеспечивалась жесткой дисциплиной, круговой порукой, проведением регулярных собраний ее участников в строго определенных местах, строгой подчиненностью нижестоящих участников вышестоящим, при этом любое нарушение установленных в группировке правил поведения наказывалось физически либо изгнанием из ее состава, а также системой материального обогащения и взаимопомощи участникам группировки, отбываю-

щим наказание в местах лишения свободы, категорическим отказом от сотрудничества с правоохранительными органами, общим пониманием противоправных целей. Внутри указанной группировки сложилась иерархическая структура. При этом в зависимости от возраста, занимаемого положения в группировке, а также криминального авторитета ее участники подразделялись на группы, так называемые «возраста». Существовали «лидеры», «старшие», «средние» и «молодые» участники¹.

Будучи специфической формой организации жизнедеятельности несовершеннолетних, криминальная субкультура выполняет ряд функций.

1. Функция вожатого, то есть субкультура связывает предпреступные и преступные деяния у следующих категорий несовершеннолетних: уже понесших уголовную (административную) ответственность, например, освободившихся из воспитательных колоний; имеющих родственников (знакомых) с криминальным прошлым или связи с асоциальными личностями; безнадзорных или воспитывающихся в неблагополучных семьях; воспитывающихся в благополучных семьях, но имеющих упущения в воспитании (например, «культ золотого тельца» – представления молодежи о «поклонении» материальным богатствам и их превосходстве над другими традиционными морально-нравственными ценностями).

2. Регулятивная функция – четкая организация внутренних отношений, заключающаяся в выстраивании системы отношений между членами группы, разрешении конфликтных ситуаций между представителями субкультуры, поддержании соблюдения поведенческих норм, а также в применении санкций к нарушителям (моральное, психическое и физическое воздействие).

3. Функции самовыражения, защиты и интеграции. Криминальная субкультура становится для подрастающего поколения «плацдармом» для поисков себя, отстаивания своих взглядов и приковывания к себе внимания.

Поскольку деструктивная субкультура есть основной механизм криминализации несовершеннолетних, выделим такие дестабилизирующие функции, как снижение уровня правосознания граждан, усиление формирования правового нигилизма, негативизма и пренебрежения нормами действующего законодательства; трансляция и передача девиантного поведения из поколения в поколение в виде традиций, ритуалов и обычаев; разрушение традиционных ценностных ориентиров и норм поведения; как «оправдание» самого противозаконного поведения со стороны некоторых лиц, так и создание положительного имиджа у ряда преступников.

В основе криминальных субкультур лежат различные интересы, однако формы их выражения бывают разные: наказуемая (совершение противоправных деяний по мотивам ненависти, вражды и другим мотивам либо совершение деяний общеуголовной направленности) и ненаказуемая (использование жаргонной лексики в речи; следование «воровскому кодексу»).

Для правоохранительных органов важным направлением является борьба как с наказуемыми проявлениями криминальных субкультур, так и с ненаказуемыми, поскольку в последнем случае речь идет о связующем звене между предпреступным и преступным поведением подростков.

Основными идеологами и носителями криминальной субкультуры являются участники организованных преступных сообществ и организаций, ответственность за участие

¹ Приговор Верховного суда Республики Татарстан от 25 февраля 2013 г. по делу № 2-22/2013 г. // Верховный суд Республики Татарстан. URL: <https://vs.tat.sudrf.ru> (дата обращения: 25.01.2025).

в которых предусмотрена в отдельных статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Однако несовершеннолетние в возрасте до шестнадцати лет не являются субъектами преступлений, предусмотренных ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 282.1 и 282.2 УК РФ, поэтому за их вовлечение в деятельность преступных групп уголовная ответственность не предусмотрена. Кроме того, к участию в преступных сообществах и бандах привлекаются в том числе малолетние (лица, не достигшие возраста четырнадцати лет), в сознании которых формируется искаженное представление о криминальной субкультуре как о нормальной форме человеческой жизнедеятельности, обеспечивающей кажущееся социальное благополучие, относительную финансовую независимость и мнимую защищенность от возможного уголовно-правового преследования.

УК РФ содержит норму об ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), однако ее применение невозможно в случаях, когда несовершеннолетний, хотя и участвует в деятельности соответствующих преступных групп, но в силу возраста или иных обстоятельств не может быть субъектом совершения преступления даже в форме участия в таких группах. При этом само участие может выражаться в разовых поручениях, которые даже не связаны непосредственно с преступной деятельностью конкретной преступной группы (например, члены банды, которая совершает разбойные нападения, предлагают совершить несовершеннолетнему мелкое хищение, хулиганство, чтобы доказать свою преданность «воровским» идеалам). Иными словами, характер и степень вовлеченности несовершеннолетнего в преступную группу незначительный, но криминальное воздействие на него происходит существенное. Кроме того, понятие «преступная группа» не позволяет четко определить, речь идет о форме соучастия в уголовно-правовом смысле или о любой групповой преступной деятельности, даже не предусмотренной уголовным законодательством.

Федеральным законом от 28 декабря 2024 г. № 514-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в указанную статью были внесены изменения. Статья дополнена ч. 4: «Деяние... связанное с вовлечением несовершеннолетнего: а) в преступную группу; б) в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; в) в совершение трех и более преступлений небольшой и (или) средней тяжести; г) в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Но законодатель не восполнил все пробелы. Для совершенствования правового регулирования в сфере противодействия молодежным криминальным субкультурам предлагаем внести изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия вовлечения молодежи в криминальную субкультуру. Дополнить ч. 4 ст. 150 УК РФ: после слов «...связанные с вовлечением несовершеннолетнего...» следующими словами: «...а) в деятельность устойчивой вооруженной группы (банды), преступного сообщества (преступной организации), экстремистского сообщества, экстремистской организации, террористического сообщества, террористической организации...».

В Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» необходимо внести изменения в части установления дополнительных механизмов противодействия вовлечению несовершеннолетних в криминальную субкультуру. Дополнить абз. 9 ст. 1 данного Закона после слов «...в социально опасном положении...» словами: «приобщение к криминальной суб-

культуре – это систематическая деятельность, направленная на вовлечение несовершеннолетних в преступные группировки общеуголовной и экстремистской направленности».

Предлагаем внести изменения в приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» в части установления дополнительных механизмов противодействия вовлечению несовершеннолетних в криминальную субкультуру. Дополнить п. 2.5 Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений, утвержденной приказом МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», после слов «...и правонарушений несовершеннолетних...» словами: «... а также предупреждение приобщения несовершеннолетних к криминальной субкультуре».

Список источников

1. Аминова В. А. К вопросу о термине «субкультура» // Вестник Московского университета. 2013. № 2. С. 113–118.
2. Галаган Д. Субкультуры молодежи, как поиск смыслов и как вызов общественности // The Scientific Heritage. 2021. № 69. С. 4–5.
3. Ковальчук Е. А. Правовое и организационное обеспечение взаимодействия подразделений полиции с молодежными объединениями в сфере противодействия экстремизму : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 208 с.
4. Ковров В. В., Вакула И. М., Гафиатулина Н. Х. Социокультурная дифференциация российской молодежи: теоретико-методологические основания // Государственное и муниципальное управление. 2023. № 1. С. 240–246.
5. Кочои С. М., Трапаидзе К. З. Нужно ли признавать отягчающим наказание обстоятельством «вовлечение несовершеннолетнего в криминальную субкультуру»? // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 93–101.
6. Кузьмин С. И., Малетина Е. А. Классификация субкультурных отношений в криминальном сообществе // Пенитенциарная наука. 2019. № 1. С. 21–28.
7. Маркова Н. С. О влиянии криминальных традиций и обычаев на современную подростковую среду // Право и практика. 2023. № 2. С. 79–83.
8. Милютин Ю. Е. Размышление о вербальном языке молодежной культуры // Введение в культурологию : курс лекций. СПб., 2003. С. 160–166.
9. Педагогическая поэма. Организация колонии молодых правонарушителей имени Горького в 1922–1923 гг. близ Харькова : повесть / под ред. А. С. Макаренко. М. : Гослитиздат, 1935. 508 с.
10. Перепелова Е. А. Значение мер профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних на административных участках // Академическая мысль. 2023. № 2. С. 120–124.
11. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М. : Ось-89, 2007. 704 с.
12. Пономарев С. Б. Криминальная субкультура глазами этолога // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 8. С. 56–65.
13. Сумачев А. В. К вопросу о молодежном (бытовом) экстремизме // Российско-азиатский правовой журнал. 2019. № 3. С. 65–68.
14. Хисамутдинов Ф. Р., Шалагин А. Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20). С. 46–52.
15. Шафигуллин В. А. Субкультура и контркультура: современные тенденции // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 4. С. 9–12.

References

1. Aminova, V. A. 2013, 'On the issue of the term "subculture"', *Bulletin of the Moscow University*, iss. 2, pp. 113–118.
2. Galagan, D. 2021, 'Subcultures of youth, as a search for meanings and as a challenge to the public', *The Scientific Heritage*, iss. 69, pp. 4–5.
3. Kovalchuk, E. A. 2012, *Legal and organizational support for the interaction of police units with youth associations in the field of countering extremism: PhD thesis (Law)*, Moscow.
4. Kovrov, V. V., Vakula, I. M. & Gafiatulina, N. H. 2023, 'Sociocultural differentiation of Russian youth: theoretical and methodological foundations', *State and municipal administration*, iss. 1, pp. 240–246.
5. Kochoi, S. M. & Trapaidze, K. Z. 2022, 'Is it necessary to recognize as an aggravating circumstance the "involvement of a minor in a criminal subculture"?'', *Actual problems of Russian law*, iss. 3, pp. 93–101.
6. Kuzmin, S. I. & Maletina, E. A. 2019, 'Classification of subcultural relations in the criminal community', *Penitentiary science*, iss. 1, pp. 21–28.
7. Markova, N. S. 2023, 'On the influence of criminal traditions and customs on the modern adolescent environment', *Law and practice*, iss. 2, pp. 79–83.
8. Milyutin, Yu. E. 2003, 'Reflection on the verbal language of youth culture', in *Introduction to cultural studies: course of lectures*, pp. 160–166, St. Petersburg.
9. Makarenko, A. S. (ed.) 1935, *Pedagogical poem. Organization of the colony of young offenders named after Gorky in 1922–1923 near Kharkov*, Goslitizdat, Moscow.
10. Perepelova, E. A. 2023, 'The importance of measures to prevent antisocial and illegal behavior of minors in administrative areas', *Academic thought*, iss. 2, pp. 120–124.
11. Pirozhkov, V. F. 2007, *Criminal psychology*, Moscow.
12. Ponomarev, S. B. 2023, 'Criminal subculture through the eyes of an ethologist', *Bulletin of the penal system*, iss. 8, pp. 56–65.
13. Sumachev, A. V. 2019, 'On the issue of youth (domestic) extremism', *Russian-Asian Law Journal*, iss. 3, pp. 65–68.
14. Khisamutdinov, F. R. & Shalagin, A. E. 2015, 'Criminal subculture and its prevention', *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, iss. 2(20), pp. 46–52.
15. Shafigullin, V. A. 2023, 'Subculture and counterculture: modern trends', *Socio-humanitarian knowledge*, iss. 4, pp. 9–12.

Информация об авторах

Ф. В. Грушин – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник;

Е. А. Раненкова – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии;

О. Г. Демидов – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества.

Information about the authors

F. V. Grushin – Sc.D (Law), Associate Professor, chief researcher;

E. A. Ranenkova – PhD (Law), associate professor of the criminal law and criminology department;

O. G. Demidov – PhD (Law), associate professor of the department of criminal law disciplines and organization of the execution of sentences not related to the isolation of convicts from society.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 27.05.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 24.11.2025.

The article was submitted 27.05.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication 24.11.2025.